

ОСЛЕПЛЕННЫЙ ТЕНЬЮ

ФЕДОР ЛАНДРИН

ОСЛЕПЛЕННЫЙ ТЕНЬЮ

мистический триллер

Москва 2001

Ослепленный тенью: Мистический триллер. – Москва., 2001. – 90 с.
(продолжение триллера «Тяжелое падение»)

Не успели модный фотограф Вадим Набоков и его подруга, известный кинокритик Лаура Боярдо вернуться из другой реальности — реальности прошлого, где они стали свидетелями похищения «Янтарного кабинета», как сразу же подверглись нападению духовного вампира Александра Гарина, который с помощью магических манипуляций заставил их перенестись в Древний Египет, чтобы использовать их общую духовную сущность для овладения тайными ритуалами древних египтян, дающими власть над людьми.

Настоящее произведение и никакая его часть не могут быть воспроизведены в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

В случае нарушения авторских прав наступает гражданская, уголовная и административная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

© Федор Ландрин. Ослепленный тенью. Мистический триллер. 2001.

— Не знаю, Лаура, честное слово, не знаю. — Андрей Лонгин прикрыл глаза рукой и стал кончиками пальцев массировать надбровные дуги. — И не смотри на меня так...

— Не смотреть как?

— Будто я большая и мерзкая мурзилка, к тому же исключительно неискренняя. — Он надавил указательным и большим пальцами на глаза, соскользнул по переносице вниз, двумя привычными движениями поправил торчащие волоски усов, спустился по ним на щетинистый подбородок, собрал его, затем положил ладонь на лоб и неспешными, восьмеркой, движениями принялся разглаживать морщины. — Мне самому очень хотелось бы разобраться во всем и прежде всего в своих снах.

— Ой, лукавишь! Ты давно во всем разобрался и морочишь нам голову!

— Угу, — кивнул растекшийся по лиловому бархату софы Вадим Набоков.

— Кто такой Макс Грен? — вдруг сорвалась на фальцет Лаура.

— А кто такой Макс Грен?! — вяло откликнулся Андрей. Он понимал, что, изображая усталое безразличие, ему вряд ли удастся избежать объяснений, поэтому, выждав небольшую паузу, Лонгин обиженно выпятил нижнюю губу: — С таким же успехом ты могла бы обвинить меня в знакомстве не только с королем Артуром, но и с Тамерланом или Александром Великим, например. Ты явно переоцениваешь мои возможности. Вспомни: кем я был в школе? Лучшим спортсменом: много мускулов и мало мозгов! По крайней мере вы так думали, а если быть предельно точным, вы были в этом уверены. И вот теперь, по прошествии двадцати лет, когда я постарел, подурнел и, казалось, неизбежно поглупел, ты вдруг требуешь от скромного и по-прежнему застенчивого дебила, чтобы он незамедлительно, в течение каких-нибудь десяти минут, описал строение мироздания.

— Меня не интересует мироздание! — Порывисто наклонившись, Лаура смахнула с треугольного стеклянного столика белую пачку сигарет «Vogue» и черную зажигалку, лежавшие возле пузатой керамической лампы с белым абажуром, тряхнула пачку, ухватила губами одну из выскочивших сигарет, прикурила, нервно затаилась и, запрокинув голову, выпустила тонкую струйку дыма в потолок.

— Здесь не курят, сама запретила.

— Отстань, Дрюндель!

— Если честно, не вижу повода для беспокойства, — откинувшись к спинке кресла, сказал Андрей. — Конечно, в моей практике прежде ничего подобного не случалось, но, по-моему, пересечение снов отнюдь не уникальный случай, такое довольно часто случается с близнецами....

— Ага, мы с Вадимом близнецы... Одинайцевые! Это же очевидно! Вадюля, братик мой родненький! Где ж ты пропадал, миленький!? — Не глядя бросив сигарету в массивную сине-зелено-желтую пепельницу из литого стекла, Лаура, словно пантера, пролетела над пустым пространством нежно-розового будуара и плюхнулась рядом с Вадимом. — Потрясающее сходство?!

— Ты слишком буквальна.

— Весной, в этой вот комнате, — угрожающе начала Лаура, она же Лаура Синок, по линии отца, малоизвестного поэта, Лаура Боярдо, графиня ди Скандиано, известный театральный критик, пару часов назад вернувшаяся из Парижа с закрытия фестиваля «Русских театральных сезонов», чмокнула в щеку Вадима Набокова, своего бывшего однокурсника по энергетическому институту, ныне известного фотохудожника, — ты рассказывал занимательную историю о нашем походе в десятом классе по местам боевой и трудовой славы...

— О каком походе?

— Не придуривайся!

— Честно слово, я не...

— И не испытывай моего терпения! Все ты понимаешь! Я говорю о походе под Волоколамск, когда вблизи нашей ночной стоянки мы нашли на обочине дороге стрелку, сложенную из срубленной березки.

— Да, было что-то такое, но уверяю тебя, — умоляюще улыбнулся Андрей и сложил руки на груди, — ничего, в чем ты пытаешься уличить меня, я не рассказывал, а если и рассказывал, то ты напрасно чересчур серьезно отнеслась к моим фантазиям.

Отмахнувшись, Лаура поднялась было с софы.

— Подожди руками махать! Сядь! — остановил ее Лонгин. — Давай вместо того, чтобы препираться попусту, расставим все точки над «и». Во-первых, в апреле я только-только вышел из больницы. Правильно? Во-вторых, тогда я был пьян от водки и от вновь обретенной свободы передвижения, поэтому мог молотить и вполне убедительно всякую ерунду, ведь я пролежал почти неподвижно семь недель.

— Набоков, ты меня любишь? — Лаура повернулась к однокурснику: ее серые глаза, загоревшись, потемнели, ноздри задрожали от частого дыхания, а заалевшие губы приоткрылись.

— Of course, my lady! — с готовностью откликнулся фотограф и попытался поцеловать подругу в щеку, но та, прикрывшись растопыренной ладонью, отклонилась в сторону.

— Прекрати, потом поцелуешь.

— Угу, я тебя поцелую потом, если захочешь.

— Господи, и когда ты прекратишь говорить банальности! Да еще с пафосом! — С досады Лаура прикусила нижнюю губу, но тут же скомандовала. — Встань!

Скорчив готовое расплакаться лицо, Набоков встал и, вытянув руки по швам, виновато взглянул на подругу: ему никогда не нравилась ее безапелляционность, порой переходящая в откровенную жесткость, но Лаура была единственной женщиной, от которой он мог снести практически все или почти все, поэтому безропотно подчинялся ей, чувствуя не только ее интеллектуальное превосходство, но и какую-то удивительную способность несколькими, казалось, простыми фразами заставить окружающих делать то, что необходимо именно ей.

— Подойди к этому отвратительному лысому человеку и набей ему морду, он назвал меня, горячо любимую тобой женщину, дурой!

— Не-е-е... Я лучше пойду кофе сварю, а вы, ребята мои дорогие, сами разберитесь со своим пионерским детством, — вздохнул Вадим и отправился на кухню, но на пороге гостиной обернулся. — Вообще, из-за чего, собственно, сырбор? Допустим, приснился нам с тобой одинаковый сон, если, конечно, это был сон... В конце концов, не важно, что это было. И что с того? Мир рухнул? Нет, стоит, как и прежде, и простоит еще неизвестно сколько тыщ лет. Ничего не изменилось и не изменится — человек не в состоянии что-либо изменить. Поэтому, милая моя, не вижу повода для истерик и невообразимого угрюмства. Будь проще, и к тебе потянутся люди.

— Ты невыносим! — фыркнула хозяйка, вернулась к столу, подхватила тлеющую сигарету, глубоко затянулась и упала в кресло.

— Зря злишься, Андрей прав: сон — это только сон, что бы там ни говорил твой любимый Эрнест Теодор Амадей Гофман. Успокойся, янтарную комнату ищут полвека, а ты хочешь разобраться в этой тайне за пять минут. Глупо, моя дорогая, рассчитывать...

— Кстати, Лонгин, ты уверен, что она спрятана именно в том пионерском лагере? — спросила Лаура и положила прозрачную руку на молочно-белый шар напольного светильника.

Кисло улыбнувшись, оборванный на полуслове, Набоков пожал плечами и скрылся в темном коридоре.

— Оригинальный дизайн. Сама придумала?

Лаура нервно кивнула.

— Да, ты с детства изумительно чувствовала форму и цвет. Вот только зря ты купила в розовую комнату лиловую мебель. Это будуар, а лиловый цвет подавляет твою нежность. — Андрей перевел взгляд со светящейся руки Лауры на белый полуметровый шар под потолком. — Ты намеренно окружила себя шарами? Раньше шар висел только в спальне.

— Не заговаривай мне зубы. Это неучтиво, я все-таки женщина, и женщина, в которую ты когда-то был влюблен.

— Да, когда-то... Но теперь это лишь музейный экспонат.

— Неужели?!

— Не веришь?

— Верю — не верю, какая разница... — недоверчиво нахмурилась Лаура, она не любила, когда ее заставляли врасплох и, затушив сигарету, нанесла со свойственной всем женщинам жесткостью ответный и, как ей казалось, неотразимый удар. — А не ты ли, дорогой мой мальчик, расплакался у меня на плече полгода назад?

— Было такое дело, — уклончиво протянул Андрей. — Но мои слезы были слезами разочарования, я так надеялся, что у вас с Сержем что-нибудь и когда-нибудь получится, а вы вдруг разбежались кто куда, не успев осознать, что такое настоящее чувство. Амбиции, дорогая моя, амбиции! Много здравого смысла, в какой-то мере расчета и ни капельки чувства. — Он на мгновение замолчал. — А янтарная комната как таковая меня никогда не интересовала, мне было, скажем так, очень странно, что весь мир в течение пятидесяти без малого лет непрерывно занят ее поисками, как никогда до этого и после этого не искал ни одно из произведений искусства. Поэтому я предположил, что в этой комнате сокрыта какая-то тайна, известная только посвященным, остальное меня мало волновало. Не люблю янтарь, застывшая смола — это все-таки не камень. Но вернемся к вашему сну. Скажи, пожалуйста: какой была во сне твоя квартира — до ремонта или после?

Сплетя пальцы, Лаура сцепила руки на груди и, откинув голову, закрыла глаза, пытаясь вернуться в дневной сон, растерзавший ее сознание на подлете к Москве.

Пока она вспоминала, а может быть, и прокручивала заново взбудораживший ее сон, самые яркие детали которого, как обычно, улетучились, в кабинет вернулся Вадим с круглым серебряным подносом, на котором, окружив темно-бордовую хрустальную вазочку с конфетами, дымились свежесваренным кофе три высокие чашки из воздушного белого фарфора.

Он поставил поднос на журнальный столик, искоса взглянул на застывшую в кресле подругу, подмигнул Андрею, бросил кусок сахара в чашку, тихо размешал и, чему-то усмехнувшись, уселся на софу.

— Не мучайся, — прихлебнув кофе, сказал он. — О, божественно! Потрясающий кофе! — но, перехватив хмурый взгляд Лауры, деланно улыбнулся. — Чи-из-з! Сам себя не похвалишь, никто не похвалит, а доброе слово, как известно, и кошке приятно. Не сердись, сон — это только сон. А происходила вся эта жуткая вакханалия до того грандиозного ремонта, который ты затеяла в мае. И очень прошу тебя, не напрягайся, а то морщины появятся еще до того вожделенного момента, когда я наконец тебя соблазню.

— Ты неудержим в своем бесконечном цинизме, недаром говорят: горбатого могила исправит. — Лаура сжала пальцами переносицу: «Боже мой, как мне все надоело!» — и, смирившись с апатией, расплзающейся по душе, обреченно до-

бавила: — Ты прав, это было до ремонта.

— Вот видишь, а ты боялась, — подхватил Вадим, но хозяйка зыркнула на него так, что он тут же потупился, отыгрывая смущение.

Лауре страшно не хотелось сдаваться: нервно покусывая нижнюю губу, она резко встала, прошлась вдоль книжной стенки и села обратно.

— А отравленные иголки?

— Да, иголки, — встрепенулся Вадим.

— Иголки? Может, покажете?

— М-да, и здесь полный абзац, — пробормотал Вадим.

Некоторое время они молча пили кофе: Андрей был спокоен, лишь изредка тербил мизинцем усы, Лаура неотрывно смотрела на свой фотопортрет, сделанный Вадимом три года назад, стоявший на книжной полке за стеклом над секретером с раскрытым ноутбуком, а Вадим, упершись локтями в колени,пил маленькими глотками кофе и, поглядывая то на Лауру, то на Андрея, думал, что ему, кажется, удалось погасить истерику подруги.

За двадцать лет дружбы он прекрасно изучил ее и знал, что если дать волю ее необузданному воображению и вовремя не перевести разговор на другую тему или цинично, на грани откровенного хамства, не осадить ее, то она может забрести в такие дебри, что только лошадиная доза «валокардина», насильно влитая в ее клопочущее негодованием горло, могла остановить низвергающийся поток ее фантазий.

Да, ему тоже казалось, что они видели не просто сон, а нечаянно угодили в какую-то иную реальность, и сомнения его укрепились после того, как при въезде на эстакаду аэропорта он обнаружил длинную иголку с черным шариком, воткнутую в рукав куртки. А когда Лаура, выбежавшая ему навстречу через «зеленый» коридор, с воплями обрушилась на него, он внезапно почувствовал приступ дурноты и почти животного страха, но сумел подавить его своими обычными приколами и улыбочками. На свежем воздухе Лаура кое-как успокоилась, помогла и красная роза на длинном-предлинном стебле, которую он, зная ее давнишнюю слабость, купил у «Речного вокзала», но всю дорогу домой она молчала, отделиваясь от Вадима кивками и гримасами, и много курила.

2

— Может быть, ты не будешь испытывать моего терпения и поделишься? — прервала затянувшееся молчание хозяйка и поставила пустую чашку на стол.

— С удовольствием, — ответил Андрей, ставя свою чашку рядом с ее. — Только чем? — и, простодушно подмигнув прилегшему Вадиму, перевел взгляд на Лауру, закурившую очередную сигарету. — Как говорила одна моя знакомая: кофе без сигареты, что еда без соли. Много куришь.

— Издеваешься!

— Опять начинается! — воздев глаза, возопил Вадим, опустил чашку на пол и, подложив под спину подушку, завалился на нее.

— Спелись, охломоны! За дуру меня держите?!

— Самокритично, очень самокритично, дорогая моя динамистка, рад за тебя.

— Вот неуемный-то! Тебя вообще кроме голой натуры что-нибудь в этой жизни интересует?

— Что естественно, то не противно, не говоря уже о прочих и весьма приятных ощущениях. Грех — это когда плоть противится зову души, а не наоборот.

— Заметь, Андрей. — Лаура выпустила струю ароматного дыма в одноклассника. — Это не человек, а скопище... Нет, библиотека банальностей, и никакого пафоса, только бесконечная любовь к жизни в самых вульгарных ее проявлениях.

ях.

— Ты чересчур категорична. Секс — это что-то очень милое, даже забавное, если не относиться к нему серьезно. — Разогнав дым, Андрей привычно сложил руки на груди. — Тебя, как и Вадима, не в меру взволновало посетившее вас наваждение, но, в отличие от тебя, он не впал в экстатическое состояние и не пытается найти ответ вне себя. Прости, Вадим, что говорю о тебе в третьем лице...

— Переживу, — лениво почесывая пальцем висок, откликнулся Набоков.

— Несколько минут назад, когда мы пили кофе, Вадим достаточно точно определил произошедшее: вы погрузились в другую реальность...

— В иную...

— Это важно?

— Нет, наверное. Кстати, вот у кого много, даже слишком много пафоса, но, на мой непросвещенный взгляд, твой одноклассник — обыкновенный высоколосый зануда.

Вадима Набокова, давно привыкшего скрывать свои подлинные чувства под маской пошляка и циника, неприятно поразило последнее высказывание человека, которого он и знал-то всего каких-то часа два, потому что Лаура с ее вечным стремлением выяснить все и сразу, — в этом она, как ни в чем другом, была истинной женщиной, то есть, конкретной до безобразия, — тотчас же по приезде вызвонила своего странного одноклассника и потребовала объяснений, а он, Вадим, по простоте душевной, рассчитывал совсем на другое, ему хотелось немножко поплакаться любимой подружке.

«Видимо, усталость накопилась, — думал он. — А тут еще этот экстрасенс, читающий мысли. Что за напасть такая?!»

— Не обижаетесь, Вадим, но вы заблуждаетесь, я не Вольф Мессинг и не читаю мысли на расстоянии, скорее я улавливаю их художественный образ, если так можно сказать. Любая мысль, даже элементарная, имеет свою форму, ее я и вижу, а затем облакаю в слова.

— Замечательно! Мы безумно рады, однако я с трудом представляю, как ваши феноменальные способности могут разрешить наши сомнения по поводу давешнего сна. Другая реальность?! Нет вопросов! Она меня не интересует, хотя там, — не знаю, как Лаура, — я не испытывал особых затруднений, меня больше интересует, как мы туда угодили и зачем она была нам дана в ощущениях, как говорят последователи Маркса-Энгельса-Ленина и прочих забубенных материалистов. И, заметьте, в совершенно реальных ощущениях. Мы ведь, в отличие от вас, не ломали ног и не имели столько времени, чтобы в тиши больничной палаты предаваться размышлениям о мироздании, и думаю, что если кому-нибудь рассказать, что с нами происходило и кто вы на самом деле, то нас непременно отправят в психушку... Впрочем, наверняка найдется чудак, который начнет искать подземную пирамиду и ящик с царскими янтарными геммами на знаменитом разъезде в том гребаном пионерском лагере, в котором мы оказались по вашей милости или, скажем так, не без вашего участия.

— Вы уверены, что вы оказались там по моей милости?

— А по чьей же? Вам же было необходимо на ком-то проверить свои способности, а лучших объектов для эксперимента не найти: во-первых, обычно близкие друзья, с точки зрения трепы, более-менее безопасны; во-вторых, вы с детства питаете слабость к Лауре; в-третьих, мы с ней — люди искусства, а следовательно, чрезвычайно эмоционально восприимчивы, что позволило вам свободно, без сверхусилий, но нагло вторгнуться в наши энергетические оболочки; и в-четвертых, в случайности и совпадения верят только дураки, к каковым я себя не отношу. Такова общая диспозиция или подоплека ваших действий, и вряд ли я ошибаюсь.

— Бесспорно, Вадим нарисовал логически завершенную картину, — бросив

пронизывающий взгляд на одноклассницу, пребывавшую в изумленном оцепенении, сказал Андрей и, уперевшись локтями в колени, закрыл лицо ладонями. — Единственно, с чем я категорически не согласен, что это был эксперимент, тем более, что вы собственными ушами слышали из уст старика Макса Грена, что мое падение и перелом были связаны с моими хаотичными путешествиями по другим реальностям. Иными словами, я такой же, как и вы, участник произошедшего, быть может, более подготовленный к подобным пространственно-временным метаморфозам, а не провокатор или не духовный вампир, каким вы хотите меня представить, и если при этом учесть тот факт, что теперь я предпочитаю путешествовать только по литературным реальностям, то ваши обвинения в мой адрес абсолютно беспочвенны и в каком-то смысле оскорбительны.

— Если вы, как и мы, жертва чуть ли не дьявольских козней, то позвольте тогда спросить: каким таким образом вы узнали, что произошло с моим двоюродным братом Шурой Набоковым, пропавшим три года назад в зоне катастрофы на атомной станции?

— Как ты посмел втянуть нас в этот кошмар? Никогда тебе не прощу!

Разгневанная Лаура перелетела на софу, демонстративно села рядом с возлежавшим Вадимом и положила на его грудь подрагивающую руку, которую тот, изогнувшись, не преминул поцеловать.

— Изыди!

Отдернув руку, Лаура обожгла Набокова неприязненным взглядом.

— Ну, ты даешь!

Но его подруга уже перенеслась обратно к столику, выбила из памяти пачки сигарету, прикурила, несколько раз судорожно щелкнув зажигалкой, и, отойдя к книжной стенке, стала бродить вдоль нее, часто и коротко затягиваясь.

И по комнате разлилась взрывоопасная тишина, однако взрыва, как ни странно, не последовало.

Докурив, Лаура вернулась к столику, затушила сигарету и подошла вплотную к Андрею.

— Почему ты молчишь?

— Не вижу смысла что-либо говорить, а тем более объяснять, — не отрывая рук от лица, глухо отозвался Лонгин. — Вы не задумываясь уже вынесли мне обвинительный приговор, осталось только изгнать меня из вашей жизни и продолжать с упорством, достойным иного применения, верить, что наша действительность дается нам в ощущениях и повседневной практике, как совершенно верно процитировал твой друг классиков марксизма-ленинизма... Какие тебе еще нужны объяснения?

— Подними глаза, извращенец!

— Все равно ничего не изменится.

— Ой ли? А может быть, я не хочу изгонять тебя из своей безумной — от слов «без» и «ума» — жизни и, может быть, мне понравилось путешествовать... вместе с тобой — римский сотник Лонгин, пронзивший копьем сердце Христа?!

— Мне лучше уйти.

Досадливо покусывая нижнюю губу, Андрей попытался встать, но Лаура ударила его кулаком в грудь.

— Нет, ты останешься! Совесть замучила?! — Но обжегшись о его полыхнувший пламенем взгляд, она смешалась, присела на корточки и погладила одноклассника по руке. — Прости, я иногда не соображаю, что говорю...

— Жестокость всегда была исключительной привилегией женщин.

— Это точно, — прохрипел с софы Набоков, с волнением, с без трепета, наблюдая за тем, как мечущаяся подруга пытается во что бы то ни стало добиться ясности; он знал, что как только в ее голове сложится стройная картина событий, она успокоится и, скорее всего, потеряет к этому интерес.

Беспокоили его только неожиданная хрипота и саднящее покалывание в горле, а остальное Вадим, не напрягаясь, мог бы предсказать с достаточной степенью точности.

— Карать — это у них в крови...

— Не умничай! — не оборачиваясь, рыкнула Лаура и мимолетно коснулась губами руки Андрея. — Неужели ты мне не веришь? — Она медленно встала, подошла к своему креслу и села. — Клянусь, я не хотела тебя оскорбить.

— Но оскорбила-таки. Ах, ах, ах! — картинно прикрыв глаза тыльной стороной ладони, простонал Вадим.

— Не богохульствуй!

— А как же свобода слова? Или на твою квартиру не распространяется это неотъемлемое право каждого человека?

— Помолчи!

— Помолчу, но без удовольствия.

— Господин Лонгин, думаю, что, несмотря на бесконечный выпендрож и неистребимое ерничание, Дрюндель, как впрочем и я, вовсе не прочь совершить пару не менее головокружительных, чем предыдущее, путешествий, например, в средние века, в лабораторию какого-нибудь алхимика...

— Раймонда Луллия или Парацельса, — привстал на локте Набоков. — А имя-то какое потрясающее: Филипп Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм! Красиво?! Хочу!

— Не обращай внимания, это он в свободное от любовных походов время начитался журнала «Наука и религия».

— Обижаете, мадам!

— Мадемуазель. И потом, разве тебя можно обидеть?

— А то...

— Молчи лучше, за умного сойдешь, и ты меня утомил.

— Андрей, не поверишь, — завалившись на подушку, Вадим сложил руки за головой, — и так каждый раз! Была тонкая, изящная, обворожительно нежная девушка, просто персик, а теперь... Испортилась вконец: обзывается, унижает, бессовестно хамит... Вот он — богемный образ жизни! И что мне с ней делать, ума не приложу? Ужас!

— Застрелиться!

Набоков поднес к виску указательный палец и, громко вскрикнув: «Кх-х-х!» — сполз с подушки, уткнувшись лицом в лиловый бархат софы, но Лаура даже не повернула головы: она неотрывно следила за одноклассником, вперившимся в белый шар под потолком.

Андрей понимал, что вряд ли Лаура позволит ему удалиться, не раскрыв тайны их путешествия в другую пространственно-временную реальность, но его силы от долгой бессонницы и бесконечной борьбы с самим собой почти иссякли. Нет, ему не удастся прорваться к сознанию друзей сквозь повисшую в комнате темно-красную, мерцающую и вполне осязаемую пелену ментальных обломков.

Кроме того, он почувствовал, что очаровательная и когда-то любимая им Лаура решила наперекор всем разумным и неразумным доводам согрешить, и согрешить не по глупости или из мелкой мстительности, а на полную катушку, слепо подчинившись разрушающей стихии собственных инстинктов, и таким тривиальным образом освободиться от неопределенности.

И тогда, мысленно смирившись с неизбежным, Андрей решил пожертвовать двумя коротенькими, но довольно необычными историями, неожиданно получившими логическое разрешение в первые дни его пребывания в больнице, когда он по ночам изнывал от тягучей и выматывающей боли. Эти истории, основанные на литературных и его собственных фантазиях, наиболее ярко характеризовали его теорию, что любое художественное творчество вплетается в по-

вседневную жизнь, зачастую кардинально меняя весь ход событий. Андрей, например, был твердо убежден, что Тургенев, этот восхитительный, убеленный благородными сединами барин, безукоризненно владевший русским языком, создав Базарова, породил большевиков, — но в данный момент его тревожили идеи совсем иного, менее глобального порядка, и, не раздумывая, опровергая собственные утверждения, он пожертвовал этими историями.

3

— Хорошо, если ты так настаиваешь...

— Еще как настаиваю!

— Хорошо, если ты так настаиваешь, я расскажу вам пару историй, незатейливых по своей сути, — едва слышно проговорил Андрей, — но заранее предупреждаю и тебя, Лаура, и тебя, Вадим, что, если вы прервете меня, то я уйду, потому что...

— Страсти-то какие! Аж мурашки по коже.

— Прекрати! Разве ты не видишь, что твой друг и так на пределе от твоей нескончаемой глупости?

— Не от глупости, Вадим, не от глупости... — Ресницы Лонгина дрогнули, и глаза нервно пробежали круг под прикрытыми веками. — Скорее, от неумемного желания, свойственного всем красивым женщинам, вне зависимости от их интеллектуального развития, чувствовать себя в центре внимания. А сил у меня и впрямь не осталось, бессонница замучила, но это, как теперь принято говорить, только мои проблемы...

— Это безумно благородно с вашей стороны, господин Лонгин, что вы, несмотря на огромную усталость и не менее огромное презрение, которое питает ваша витающая в горних сферах душа к нам, жалким человечешкам, погрязшим в разврате и духовных нечистотах прогнившей цивилизации, сумели снизить до нас и собираетесь поведать нам сокровенные тайны мироздания, а заодно приоткрыть завесу над эзотерическими ритуалами великих посвященных...

— Я тебя предупреждал.

Андрей Лонгин встал и, протяжно выдохнув, направился к выходу.

— На обиженных воду возят! — выкрикнула Лаура, ее серые глаза, почерневшие от едва сдерживаемой истерики, гневно, переливаясь всеми цветами радуги, сверкали и метали испепеляющие молнии в широкую, чуть сгорбленную спину уходящего. Она чувствовала, что все испортила, но ничего не могла с собой поделать — ее несло: пролетающие в воспаленном сознании мысли цеплялись одна за другую, сплетались в колючие клубки, и эти клубки, разлетаясь со страшной скоростью, ударялись о своды черепа и рассыпались на разноцветные искры...

— Ты права, до банальности права, но обида тут ни при чем. Обида — абсолютно непродуктивная вещь, вернее эмоция, поэтому бессмысленно тратить на нее свою энергию, — не оборачиваясь, ответил Андрей.

В проеме двери, ведущей из гостиной в коридор, он вдруг остановился, постоял, раскачиваясь, словно балансируя, затем подошел к пианино, достал из кармана спички и, прикусив высунутый кончик языка, зажег оплывшие огрызки свечей в бронзовом подсвечнике, укрепленном на передней панели, осторожно, чтобы не покарябать пол, выдвинул ногой черный круглый стульчик, сел, облокотившись локтями на крышку клавиатуры, вытянул ноги и как-то сразу обмяк, расплылся, превратившись в бесформенную, горестно вздыхающую массу.

— Единственное, что я могу с полной определенностью утверждать: я устал, и устал прежде всего от того, что никому, а порой и самому себе, не могу четко

сформулировать, что же все-таки произошло...

— Я все поняла, я все поняла! — радостно захлопав в ладоши, заверещала Лаура, подбежала к Андрею и заглянула в его потускневшие, безжизненные глаза. — Я все поняла! Ты — Дункан Маклауд, из клана Маклаудов, ты — бессмертный, тебе четыреста, а может быть, и вся тыща лет, и ты, как угорелый, бегаешь по Москве и рубишь бошки другим, более нерадивым и строптивым бессмертным, но в конце должен остаться только один, и им будешь ты — Дункан Маклауд.

— Господи, в нашем полку прибыло! — проворчал с софы Вадим. — Спаси нас от друзей, а с врагами мы как-нибудь сами справимся!

— Молчи, презренный! Спугнешь! — невесомо поглаживая Андрея по лысине, восторженно всхлипнула Лаура, словно испытал глубокий, пронизывающий всю ее плоть оргазм: пальцы ее подрагивали, по губам блуждала ироничная улыбка удовлетворенного самолюбия, а ее душа где-то парила... нет, недалеко, но все же парила, и по слабеющему телу пробегали невидимые волны неизъяснимого словами теплого трепета, она чувствовала, что силы оставляют ее, уступая место сладостному изнеможению.

— Скорую помощь вызывали?! — зевнул бесшумно появившийся на пороге гостиной Набоков, сложил руки на груди и подпер косяк.

Он интуитивно чувствовал, что ситуация достигла кульминации и что существует два наиболее реальных варианта его дальнейших действий: либо обессиленный Андрей молча уйдет, либо ему надо постараться оградить того от потока насмешек подружки, безоглядно окунувшейся в пучину разрушительного страха, которая не осознавала, что происходит и во власти каких сил оказался ее друг.

— Дорогуша моя, успокойся. — Вадим осторожно, словно боясь напугать, подошел к Лауре, положил руки на ее талию, а затем медленно перебирая пальцами, сплел их на ее упругом животе и придвинул к себе. — Тебе трудно, ты провела две недели жизни в страшном темпе, в чужой стране, ты не выспалась. — Он перехватил ее руку и стал поочередно целовать пальцы, придыхая и закатывая глаза. — У тебя масса впечатлений, но Париж, как сказал классик, праздник, который всегда с тобой, и потому существует только один способ избавиться от внутренней неуверенности: тебе надо, просто-таки необходимо с кем-нибудь из нас, извини за откровенность, трахнутья.

— Ты дурак?! Или прикидываешься? — резко развернувшись, Лаура свирепо посмотрела на Набокова и прошла в будуар.

— Прикидываюсь, прикидываюсь.

— Да, я тебя недооценила. — Она плавным движением подцепила со столика пачку сигарет и плюхнулась в кресло.

— Очень своевременное признание, — сказал Вадим и, мельком взглянув на расплывшегося Андрея, возвратился на софу. — Может, теперь ты сменишь гнев на милость и уступишь моим домогательствам, тем более, что наш друг сейчас вряд ли способен на какие-либо действия.

— Надо заметить, что вы оба правы, — войдя в будуар, спокойно сказал Андрей Лонгин, массируя указательным пальцем переносицу, и сел в кресло, как обычно, сложив руки на груди.

— Явление второе, те же и Дункан Маклауд. С мечом наперевес, — сглотнув слюну и переглянувшись с хозяйкой, громко прошептал Вадим: нет, он не был удивлен или ошеломлен столь разительной переменой в состоянии и облике Андрея, всего несколько мгновений назад пребывавшего, казалось, в глубоком забытии, и все же что-то екнуло в его груди, но он не придавал этому значения и, притворно прыснув, опрокинулся на подушки. — Вечно я с тобой, Лаура, попадаю в просак.

— Это у тебя на роду написано жирными-прежирными буквами, — поежив-

шись, сказала Лаура, ее тоже неприятно поразила резкая метаморфоза, произошедшая с одноклассником, но, в отличие от Вадима, ей не удалось скрыть этого от пристального взгляда Андрея, и, судорожно сжав пачку сигарет, она отвернулась к зашторенному окну.

На комнату снова опустилась густая, почти осязаемая тишина, воздух стал плотным и завибрировал, на потолке, вокруг белого шара, замерцали бледно-зеленые концентрические круги, они стали растягиваться в эллипсы, которые с бешеной скоростью заметались по потолку.

— Прекрати! Прекрати, я тебя прошу! — затыкая уши, истошно закричала Лаура, но ее крик, больше похожий на жалобный лепет, растворился в раскалывающем плоть хаосе.

Внезапно беззвучная какофония оборвалась, эллипсы свернулись в ярко-зеленую пульсирующую точку, которая с присвистом, описав на потолке замысловатую загогулину, сползла по стене и, всколыхнув тяжелые гардины, исчезла за окном.

— Что это было? — не поднимая головы, выдохнул распластаный Вадим. — Или мне померещилось?

— К сожалению, нет.

— Он над нами издевается! Разве ты не чувствуешь?! «К сожалению», видите ли! У, гад!

— Он над нами издевался, ну сумасшедший, что возьмешь? — чуть приподняв голову, осматривая комнату, криво ухмыльнулся Вадим и уронил голову на подушку.

— Ты не права, я тут ни при чем или, вернее почти ни при чем...

— А кто при чем?! — Лаура мотнула головой, сбрасывая замирающее эхо наваждения, откинула волосы назад и устремила заблестевшие от наворачивающихся слез глаза на неподвижно сидевшего Андрея.

— Есть один деятель, который периодически меня достает. Занятная личность! Между прочим, сын одного очень известного инженера. Интересно, как он сумел меня вычислить?.. Но о нем я расскажу как-нибудь потом, если захотите.

— Уж не сын ли Петра Петровича?

— Какого Петра Петровича? — вздрогнула Лаура от смутного предчувствия какой-то неотвратимо надвигающейся беды и посмотрела на Вадима, но тот прокричал что-то невразумительное и принялся, словно травку, пощипывать бархат софы.

— Вот ты назвала меня...

— Дрюндель, прекрати изображать козленочка!

— Вот ты назвала меня Дунканом Маклаудом, просто так, от булды?

— А ты как хотел?

— Как ты могла бы заметить, я ничего не хочу, но с некоторых пор я очень серьезно, даже чересчур серьезно отношусь к произносимым и особенно к написанным словам.

— Извини: у меня свои тараканы, у тебя свои, и не надо перекладывать свои проблемы на чужие плечи. — Лаура достала из смятой пачки сломанную пополам сигарету, оторвала повисшую половинку, бросила ее в пепельницу и прикурила огрызок. — И не пытайся убедить меня, что ты — бессмертный, мне только этого не хватало. Бред сивой кобылы!

— Бессмертен только один человек...

— И кто же этот счастливец? — откликнулся с софы Набоков.

— Да-да, сделай милость, поведай нам свою сокровенную тайну. — Затянувшись, хозяйка квартиры прищурила правый глаз от переливающегося сизого дыма.

— Дон Жуан.

— Почему не Гамлет?
— Резонно. Почему не принц датский?
Поджав под себя ноги, Вадим сел.
— Гамлет — это частный случай, или скажем так: драма одной незаурядной личности, а Дон Жуан — это вечный поиск истины.
— А, действительно: что может быть выше любви?
— Ничего. Только не в твоём исполнении.
— Прощаю тебя, женщина. Но хочу с полной ответственностью заявить, что Гамлет твой — один-одинешенек, а Дон Жуанов — хоть пруд пруди: и Мольера, и Тирсо да Молина, и Пушкина, и Алексея Константиновича Толстого, и Байрона...
— ... и Леси Украинки и так далее и тому подобное. Вздор и глупость! Глупость и вздор! У него, — она кивнула на Набокова, — извини, Дрюндель, за откровенность, хронический недуг — бешенство папки. Но ты, Андрей? Как ты можешь серьезно говорить о подобных вещах?
— Боже мой, как я ошибался! — часто вздыхая, Набоков обхватил голову руками и отчаянно замотал ею. — Какое гнусное оскорбление! Как вульгарно и примитивно! Никогда тебе не прощу, коварная, никогда!
— Не паясничать! — неожиданно рывкнула Лаура и, смяв, затушила сигарету.
— Тебя вообще оскорбить нельзя!
— И в этом моя сила! — Как примерный школьник, Вадим сложил руки на бедрах и вдруг завопил: — She loves you, yeah, yeah, yeah... She loves you, yeah, yeah, yeah...
— Дурдом какой-то! — Удрученная происходящим хозяйка поддела ногтем обломок сигареты, сунула в уголок рта и, прикурив, проводила обреченным взглядом улетающее крутящееся кольцо дыма. — Неужели ты не чувствуешь, что он все время петляет, изворачивается и пытается сбить нас с толку? Мы начали с Макса Грена. А где мы теперь?
— У донны Анны, — всхлипнул Набоков и повалился на подушки.
— Вот именно, у донны Анны! А я хочу знать: во-первых, кто такой Макс Грен; и во-вторых, как смеет сын неведомого мне Петра Петровича устраивать в моей квартире какую-то идиотскую дискотеку, от которой у меня чуть было не лопнули барабанные перепонки? Может быть, Дрюндель, ты расскажешь мне, мне — истеричной и глупой женщине: кто такой полковник Макс Грен?
— Андрей, пора делать ноги! Она зациклилась!
Но Андрей Лонгин никак не отреагировал ни на очередную истерику одноклассницы, ни на реплики комикающего Вадима: казалось, он полностью погрузился в самосозерцание, уставившись невидящим взором на колышущуюся щель между гардинами.
— Не придуривайся, экстрасенс хренов! А ты — старый, безмозглый ловелас, ты у меня убежишь! Как же, держи карман шире!
— У-у, понесло! Теперь только успевай отмахиваться!
Обломок сигареты догорел и опалил подрагивающие пальцы Лауры.
Смачно чертыхнувшись, она бросила его в пепельницу, вскочила, задернула гардины и решительно подошла к Андрею, посмотрела на него сверху вниз и провела ладонью перед его глазами — никакой реакции, с досады фыркнула и, бросив исподлобья едкий взгляд на Вадима, стараясь сохранять спокойствие, категорично заявила, четко выговаривая каждое слово:
— Или вы сейчас же рассказываете, ничего не скрывая, причем не важно, кто из вас это сделает, что со мной здесь было, или вы оба выметаетесь из моей жизни. Надеюсь, все ясно?! Итак, вопрос первый: Кто такой Макс Грен — сумасшедший старик или всамделишный полковник? — Лаура вернулась к своему креслу, щелкнула по светильнику и села, закинув ногу на ногу. — Только, пожалуйста, без литературных отступлений и прочих умствований.

— Графинюшка...

— Нет больше никаких графинюшек! Я задала вопрос и требую вразумительного ответа. Я имею на это полное право, и как человек, и как женщина, чьим сознанием с неизвестной для меня целью пытаются манипулировать, и как, наконец, хозяйка квартиры, где происходил и происходит этот жуткий эксперимент. Я жду, и не заставляйте меня прибегать к крайним мерам, это не в ваших интересах.

— Хорошо, только не волнуйся, нервные клетки не восстанавливаются, расслабься, закури еще сигаретку...

— Заткнись, Дрюндель!

— Фу, как грубо!

— Хватит мне голову морочить! Рассказывайте!

4

— Макс Грен, как ты, а вместе с тобой и я, могли убедиться, благополучно, передав свои полномочия твоему другу детства, почил в бозе где-то под Волоколамском в подземной пирамиде, и как говорится: мир его праху, да будет ему земля пухом. С другой стороны, в то же самое время, минута в минуту, секунда в секунду, ты, дорогая моя, преспокойненько на высоте десяти тысяч метров, называя на себя Европу, летела в комфортабельном салоне «Боинга-747» из Парижа в Москву. Короче, резюмирую: Иллюзия.

— Материализованная иллюзия, — поправил Андрей. — Нестойкая реализация подсознательных процессов.

— Что ты хочешь этим сказать? — Лаура всем телом повернулась к однокласснику.

— В нашей жизни все люди появляются и все события происходят только потому, что мы их туда, если так можно выразиться, притягиваем. И что с ними нам делать дальше, мы должны выбрать сами, не прибегая к помощи других, пусть даже близких, но все же безгранично чужих людей. Так реализуется наша индивидуальность. Мы создаем себе проблемы, множество проблем, потому, что они нам необходимы и потому что каждая из них таит в себе незримый и бесценный дар.

— Послушай, вроде бы всегда было наоборот, а ты говоришь — бесценный дар.

— Смотрите! — Андрей выбросил вперед левую руку и раскрыл ладонь.

Гардины всколыхнулись, и в комнату влетел золотисто-сиреневый мерцающий шарик. Он по спирали поднялся к белому шару, покругил около него и, жалобно попискивая, опустился на ладонь Лонгина, вращаясь вокруг своей оси и отбрасывая бледные отсветы, в которых угадывались чьи-то смутные движущиеся силуэты.

Андрей осторожно накрыл шарик другой рукой и с видимым усилием: на его скулах заиграли желваки, а на носу высыпали крошечные капельки пота, — сжал ладони.

Раздался хруст, показавшийся в воцарившейся в комнате тишине оглушительным, будто Андрей комкал пергаментную бумагу, и между его пальцев выступили комочки сиреневой пузырящейся пенки, которая, быстро испаряясь, превращалась в прямые светящиеся струйки то ли пара, то ли дыма, всасывающиеся в невидимое полукруглое пространство над Лонгиным.

— Лет семь или восемь назад знаменитый ленинградский битломан и большой почитатель творчества, а главным образом, личности Джона Леннона, — Коля Васин при закладке Храма Джона Леннона сказал в интервью, что Джон жив

и скрывается в одном из горных итальянских монастырей, в местечке то ли Алагна, то ли Аладжа, точно не помню. — Андрей небрежно стряхнул с рук остатки пены. — И мотивировал Коля свое предположение тем, что и через десять лет после смерти Джона появляются его новые песни. Казалось бы, он выдает желаемое за действительное, но недавно из Англии пришло сообщение, что Пол Маккартни, Джордж Харрисон и Ринго Старр приступили к записи нового альбома, где будут использоваться записи песен Леннона, переданных «битлам» Йоко Оно.

— Что это... — облизывая пересохшие губы, прошелестела Лаура, описывая дрожащим пальцем траекторию полета золотистого шарика. — Что это было?

— Небольшой сгусток моих старых, никому не нужных воспоминаний и гипотетических построений, — ответил Андрей. — Извини, это всего лишь иллюстрация того, что я хотел бы рассказать, совсем маленький и безобидный эксперимент, тем более теперь нам уже никто не сможет помешать.

— Дьявольская женщина!

— Кто? — подпрыгнув, взвизгнула Лаура и, заерзав, углубилась в кресло.

— У тебя мания величия! Йоко Оно. Кто же еще? — вскинул брови Набоков, разглаживая указательным пальцем нижнюю губу. — Черная женщина! Бедняга Джон, он совершил роковую ошибку, женившись на ней. И когда я вижу ее, меня прохватывает дрожь и возникает ощущение, будто явился сам дьявол во плоти. Брр-р!

— Согласен, — кивнул Андрей. — И должен честно признаться, что испытал аналогичные ощущения, увидев ее воочию, когда мы снимали Всемирный Форум творческих деятелей, устроенный Горбачевым. Мне еще тогда показалось странным, что она заявила к нам в Россию, тем более, что я не верю в случайные совпадения, в них, как справедливо отметил твой друг, верят только дураки, то есть люди полностью, и телом и душой, захваченные материальной действительностью. Да, к слову, все японские привидения, которые, в отличие от европейских, не только предвещают беду, но и могут убить человека, обязательно имеют в своем имени элемент, звучащий «Оно».

— И по-русски, привидение — оно, среднего рода, — усмехнулся Вадим, но по его побледневшему лицу было видно, что ему далеко не так весело, как он хотел изобразить.

Последние несколько минут, после внезапного появления и столь же необыкновенного исчезновения золотистого шарика, он пребывал в состоянии внутреннего ажиотажа, с которым не мог справиться, и ему это не нравилось, очень не нравилось. Он не любил и боялся неподдававшихся укрощению чувств, поэтому, прикрыв глаза, попытался уничтожить навязанные ему видения: и порхающий по комнате золотистый переливающийся шарик, превращающийся в колючий комочек со светящимися иглами дыма, и черноволосую женщину в черной широкополой шляпе с неподвижно-плоским лицом и непроницаемым гипнотизирующим взглядом раскосых глаз, парящую над пожухлой сырой травой недалеко от белоснежного особняка с колоннами...

А пребывавшая в подобном состоянии Лаура, наоборот не стала укрощать опаляющие сознание видения и, не раздумывая, нырнула в знакомую и уютную стихию инстинкта:

— Извини, Андрей, но ты плохой драматург! — Ироническое умиротворение как-то само собой растеклось по ее душе. — Ты беспрерывно стращаешь нас, ловко манипулируя своими необыкновенными выдумками, воспользовавшись открывшимися, но сомнительными способностями, а действие стоит, ничего не происходит. Сюжет аморфный и зыбкий, как лесное болото, хотя, безусловно, ты основательно нас запутал. Впрочем, один персонаж тебе все же удался, но Дрюля — человек бесконечно слабый, рефлексирующий и неверующий, и ты зря пы-

таешься сделать из него настоящего героя. Он — типичный самовлюбленный созерцатель... и потребитель.

— Не обращай внимания, Андрей: я давно служу у нее громоотводом. Женщины вообще практически всегда были орудием разрушения, за исключением одного-единственного девятимесячного акта.

— Не можешь без пошлости?!

— Не могу, меня в детстве мама уронила.

— И наступили необратимые последствия?

— Ты поразительно догадлива.

— Ладно, не собираюсь с тобой пикироваться, много чести. Вернемся, однако, к нашему Страшиле, властелину и волшебнику Изумрудного города.

— Волшебником, насколько я помню, был Гудвин, а не Страшила.

— Не важно. Так почему ты не можешь без приключений?

— Время летит незаметно, и я стараюсь насытить его событиями, иначе скучно, безделье меня угнетает.

— Вот так и становятся наркоманами, от скуки...

**Если вам нравится эта книга, заплатите за остальные главы
через WebMoney на сайте flandrin.ru.**

© Б.Н.Горбунов. Правообладатель. 2006.